

УДК 94(470+571)''1950/1960'':323

ББК 63.3(2)632-33

DOI: 10.46726/H.2021.4.13

К. А. Юдин

АНАТОМИЯ «ФАТАЛЬНЫХ РЕФОРМ»: ОСОБЕННОСТИ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ И УПРАВЛЕНИЯ В СССР (середина 1950-х — начало 1960-х гг.)

В статье исследуется одно из важнейших в цепи непрерывных институционально-политических и идеологических трансформаций звеньев — реформа партийно-государственного контроля и управления, произведенная первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым осенью — зимой 1962 г. Фокус исследования устанавливается преимущественно на внутренней, «анатомической» составляющей реформаторского курса, его причинно-следственной фактуре. На основе архивных данных, документальных публикаций сделаны выводы, что замысел Хрущева по реставрации «ленинской модели» государственного управления, связанной с возвращением к принципам внутривластной демократии, централизма, публичности системы контроля, был изначально утопичным. Его несостоятельность проявилась как на идейно-теоретическом, так и на организационно-практическом уровне. В ходе предпринятой «модернизации» наблюдалась институциональная эклектика, происходили процессы встречной бюрократизации в рамках кампании по борьбе с этим изъяном государственной машины и социума. Параллелизм, дублирование полномочий, сосуществование ведомств, принадлежащих к разным эпохам по наименованию и сущности, создание еще одной гибридной, объединенной структуры партийного и государственного контроля — все это стало кульминацией и «фатальным» апогеем, на данном историческом этапе приведшим к смещению лидера страны, но имевшим и далеко идущие последствия по саморазрушению системы.

Ключевые слова: партийно-государственный контроль, хрущёвская «модернизация», «оттепель», борьба с бюрократизмом, ленинизм, «Комсомольский прожектор».

К. А. Yudin

ANATOMY OF “FATAL REFORMS”: FEATURES OF PARTY-STATE CONTROL AND MANAGEMENT IN THE USSR (mid 1950’s — early 1960’s)

The article examines one of the most important links in the chain of continuous institutional, political and ideological transformations — the reform of party and state control and management, carried out by the first Secretary of the CPSU Central Committee N. S. Khrushchev in the autumn-winter of 1962. The focus of the study is mainly on the internal, “anatomical” component of the reform course, its causal structure. On the basis of archival data and documentary publications, it is concluded that Khrushchev’s plan to restore the “Leninist model” of state administration, associated with a return to the principles of internal party democracy, centralism, and the publicity of the control system, was initially utopian. The parallelism, the duplication of polities, the coexistence of departments belonging to different epochs in name and essence, the creation of another hybrid, unified structure of party and state control—all this was the culmination and “fatal” apogee, which at this historical stage led to the removal of the country’s leader, but also had far-reaching consequences for the self-destruction of the system.

Key words: party and state control, Khrushchev’s «modernization», the «thaw», the fight against bureaucracy, Leninism, the «Komsomol Searchlight».

Постановка проблемы и историографический контекст

Историография советской системы партийно-политического контроля к настоящему времени носит неисчерпаемый и разноплановый характер. Имеющийся задел представлен как работами, отличающимися концептуальной монологичностью, воспроизводившими официальный, партийно-коммунистический дискурс [8; 21; 29], так и новейшими исследованиями, рассматривавшими причины и ход ведомственных реорганизаций [3; 4; 5; 16; 31] в рамках осмысления и экспертизы сущности советского политического режима на переходных этапах его развития, в контексте изменения стиля управления его лидеров и представителей, а также в историко-экономическом [20] и юридическом ракурсах [19]. Это труды О. В. Хлевнюка [28], Р. Г. Пихои [22], Ю. В. Аксютина [1], В. А. Козлова [14], Е. Ю. Зубковой [10], О. Л. Лейбовича [15], В. П. Мохова [17], О. Н. Калининой [11; 12], К. А. Юдина [30]. Поднимались эти проблемы и в зарубежной историографии [27; 32]. Как верно отметил А. В. Степанов, «наша наука в начале нового века постепенно расширяет поле зрения» [26, с. 68]. Применительно к советской истории это означает курс на тщательную проработку уже имеющихся документальных публикаций, а также не введенных в научный оборот архивных данных. Это способствует прояснению общей картины взаимодействия власти и общества — коллективной/социальной памяти, способов ее формирования и репрезентации [2; 13; 24].

Инициированная еще в середине 1950-х гг. кампания по борьбе с бюрократизмом уже в начальной стадии вызвала встречную административно-политическую и социально-экономическую энтропию, ставшую, как справедливо указал О. В. Хлевнюк, роковой для первого секретаря ЦК КПСС, способствовавшей его падению [28, с. 165]. Вполне можно согласиться и с точкой зрения А. В. Ведерникова, отметившего, что «предпринятые советским руководством в 1953—1956 гг. меры по сокращению численности бюрократического аппарата принесли лишь временный успех, не способствовали качественному изменению процесса управления» [4, с. 159]. Об этом свидетельствует хроника принимаемых в отношении конкретных ведомств и всей системы в целом решений, требующая дополнительного изучения.

Предпосылки реформы партийно-государственного контроля: назад к «ленинской модели»?

Действенными информационными стимулами, повлиявшими на реактивность Н. С. Хрущева, усиленную его характером и темпераментом, стали «сигналы», поступавшие по линии ведомств партийного и внутрипартийного контроля. 15 января 1954 г. в ЦК КПСС на имя Н. С. Хрущева была направлена докладная записка, составленная заместителем заведующего Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС Я. В. Сторожевым и содержащая обстоятельную критику системы государственного управления.

Автор документа констатировал, что «государственный аппарат является еще громоздким, дорогостоящим, бюрократическим», поскольку «центр тяжести зачастую сосредоточен не на живой организаторской работе, а на бумаготворчестве, на подготовке проектов многочисленных директив, постановлений, приказов, распоряжений, писем, телеграмм, телефонограмм» [23, с. 92], что приводит к полному административному параличу, усугубляющемуся отсутствием «четко установленной ответственности и прав местных органов управления» [там же, с. 99]. Все это подтверждалось и статистически:

«За 11 месяцев 1953 г. Министерством сельского хозяйства СССР получено 1377000 разных писем, или ежедневно в среднем по 4900 писем <...>. За этот же период с мест получено 150100 телеграмм, или по 534 в день». По результатам специальной проверки, произведенной инспекцией при данном ведомстве, эффективность подобной корреспонденции оставляла желать лучшего: «Из 1067 писем тиражом 2038 экземпляров, подготовленных к отправке 25 декабря, 141 письмо было задержано как небрежно оформленное и неграмотно составленное. В корреспонденции, подготовленной к отправке 26 декабря, было задержано 192 документа, из них 122 письма вообще не следовало посылать» (курсив здесь и далее наш. — К. Ю.) [там же, с. 97].

Нисколько не переоценивая значимости выше приведенного информационного сообщения, ставшего, безусловно, одним из многих в череде ведомственных донесений, тем менее, можно предположить, что оно сыграло свою роль в пробуждении и закреплении у первого секретаря ЦК КПСС уверенности в перспективности осуществления им миссии неоленинского реформатора. Через 4 дня, 19 января 1954 года, в Президиум ЦК КПСС поступила записка лидера страны, посвященная проблемам улучшения работы партийного и государственного аппарата. «Канцелярско-бюрократический стиль в работе, — отмечал Хрущев, — отвлекает партийных, советских и хозяйственных работников от живого дела по организации трудящихся масс на борьбу за выполнение решений партии и правительства, порождает волокиту и безответственность в решении жизненно важных вопросов, ведет к непомерному разбуханию аппарата. Такое положение противоречит ленинским принципам организации партийного и советского аппарата.<...>. Это очень серьезное и опасное положение» [там же, с. 102].

Таким образом, по существу, была озвучена концепция властно-политического курса, направленная на очередную идеологическую мистификацию, ретро-абстракцию, — возвращение к «подлинному» ленинизму. Она стала не просто формальным лозунгом-символом периода «оттепели», но начала использоваться для прямого обоснования и легитимации всех институциональных трансформаций, предпринятых в это время. Накануне произведенной в ноябре-декабре 1962 года «фатальной» в силу своей антиномичности реформы — с одной стороны, разделения партийно-советского аппарата по производственному принципу на промышленные и сельские структуры, и одновременно — встречной интеграции ведомств внутрипартийного (Комитета партийного контроля при ЦК КПСС) и государственного (Комиссии/Комитета государственного контроля Совета Министров СССР) контроля в единый орган — Комитет партийно-государственного контроля (КПГК) ЦК КПСС и Совета Министров СССР, Н. С. Хрущев обстоятельно аргументировал это в более чем 10-страничной обзорной записке. Там он особо подчеркивал принципиальные нюансы, свидетельствовавшие о намерениях «модернизации» управления, возвращавшейся к своим идейно-организационным истокам — модели Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), существовавшей в 1920 — начале 1930-х гг., и свойственному этому учреждению стилю функционирования, предполагавшему декларирование публичности, общедоступности и «всеохватности» народного контроля. «Нам необходимо, — заявил 19 февраля 1962 г. Н. С. Хрущев, — наряду со специальными органами партийного контроля иметь систему общественных инспекций, которые работали бы под руководством контрольных органов партии и охватывали каждое предприятие, стройку, колхоз, совхоз, учреждение <...> Исходя из этого, считал бы целесообразным образовать *единый контрольный*

центр — Комитет Партийного Контроля (КПК) с соответствующими органами на местах, возложить на него обязанность осуществлять контроль по всем линиям. Это и будет претворением в жизнь *ленинских указаний* о слиянии учреждений партийного и государственного контроля» [25, д. 22, л. 199].

Стремление вызвать у каждого советского человека «революционное горение» было, как обычно, закреплено нормативно-циркулярно с помощью установления следующей системы внутривнутрипартийного арбитража. В Положении «О Комитете партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР и соответствующих органах на местах» (4 декабря 1962 г.) была определена следующая диспозиция: «В случае если местные партийные и советские органы не согласны с постановлением соответствующего комитета партийно-государственного контроля, то вопрос передается на рассмотрение в вышестоящий партийный и контрольный орган [там же, д. 23, л. 122]. Не оказалась обойденной регламентация общественной сопричастности. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 декабря 1962 г., принятом по итогам ноябрьского пленума ЦК КПСС, присутствовали следующие формулировки: «образовать на предприятиях, стройках, колхозах и учреждениях группы и посты содействия партийно-государственному контролю; совместно с комитетами партийно-государственного контроля отобрать для работы в органах контроля идейно зрелых, принципиальных коммунистов, хорошо знающих хозяйство, экономику» [7, д. 1, л. 1]. Именно в это время новую жизнь получило профсоюзное и комсомольское движение. Участие в отрядах «Комсомольского прожектора», ставшего модификацией «легкой кавалерии» комсомола, 30—40 лет назад оказывавшей содействие органам НК ЦКК-РКИ, позиционировалось как «основная и почетная общественная обязанность» молодых советских граждан [там же, л. 36].

Вместе с тем, как отмечается в историографии, создание КПК ЦК КПСС и СМ СССР стало не столько квинтэссенцией идейно-организаторского потенциала Н. С. Хрущева, сколько индикатором истощенности лимита доверия и терпения как стороны высшей партийно-государственной элиты, так и региональной номенклатуры и общественности. Как вспоминал секретарь ЦК КПСС, заместитель председателя СМ СССР и первый руководитель объединенного ведомства — КПК ЦК КПСС и СМ СССР А. Н. Шелепин, возвращение к «внутрипартийной демократии» оказалось явной фикцией: «Он (Хрущев Н. С. — *К. Ю.*) на одном из заседаний сказал, что у нас очень плохо с контролем, и есть мнение — поручить Шелепину заняться этим делом и подготовить 2 записки 1) как обстояло дело при В. И. Ленине и 2) как следует организовать это дело на современном этапе. Через три недели я подготовил и передал эти записки и проект Положения о комитете. По ним начались дискуссии. *Возражали очень Косыгин и Микоян. Я доложил Хрущеву о негативной реакции некоторых товарищей, и на Президиуме тот в грубейшей форме сказал, что все нужно оставить все как есть...*» [18, с. 286]. Н. И. Добросоцкий и А. А. Слезин показывали, что деятельность «Комсомольского прожектора» далеко не всегда была эффективной: «Молодые люди не были допущены ко всем документам и “теневым” вопросам. Отсутствие прочной связи с правоохранительными органами приводило к тому, что “сигналы” о многих нарушениях даже не расследовались. Комсомольцы не имели действенных “рычагов” воздействия на руководство предприятий и учреждений» [9, с. 281]. При этом действительно, складывалась «поистине парадоксальная ситуация», при которой дублирование

полномочий местной номенклатуры путем инкорпорации институтов КППК в состав региональной администрации сочеталось с внешними правами «производить расследования, налагать на виновных взыскания и штрафы, передавать дела в прокуратуру и суд» [22, с. 426].

Наращение кризиса реформаторского курса

Симптомы и признаки неопределенности реформаторского курса, отторгавшего и изживавшего себя самого изнутри, стали проявляться уже практически сразу после выхода Постановления Президиума ЦК КПСС «О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата» от 25 января 1954 г., призывавшего, выражаясь современным языком, к «оптимизации» — упрощению и сокращению отчетности, объемов делопроизводства и повышению ответственности руководителей различных ведомств [23, с. 104]. Одними из первых от такой «ударной волны» пострадали непосредственно сами контрольные учреждения — предшественники КППК ЦК КПСС и СМ СССР. 13 апреля 1955 г. вышло постановление СМ СССР «О сокращении штатов Министерства государственного контроля СССР», утвердившее вынужденную «инициативу» его руководителя: «Принять предложение Министра государственного контроля СССР т. Жаворонкова о сокращении плановой численности административно-управленческого персонала Министерства государственного контроля СССР на 820 единиц, или на 21 %, в том числе по центральному аппарату на 121 единицу, или на 10 %» [25, д. 14, л. 55].

Как и полагалось по сложившимся ритуалам, была инспирирована активная критика и внутренняя самокритика, приведшая в дальнейшем к очередному витку ведомственных реорганизаций. На отчетно-выборном собрании партийной организации Министерства государственного контроля, состоявшемся 26—27 сентября 1955 года, развернулась «драма», наподобие ситуации в кинофильме «Премия» (СССР, 1974 г., реж. С. Г. Микаэлян), когда коммунисты-активисты сигнализировали о сложившейся тревожной обстановке, связанной с неприятием «должных мер по перестройке работы органов государственного контроля» [там же, л. 58].

В январе 1957 г. В. М. Молотов представил в ЦК КПСС проект нового положения о Министерстве государственного контроля, подлежащего скорейшему реформированию по причине того, что его структурно-функциональный облик *«не соответствует известным ленинским установкам по вопросу о Рабкрине/Госконтроле и не отражает задач, поставленных перед Министерством государственного контроля XX съездом КПСС»* [там же, л. 75]. Однако вместо разработки «нового положения» партийно-государственное руководство решило и вовсе упразднить «надоевшее» министерство, предприняв еще более странный с точки зрения концептуально-идеологической логики шаг: уже в июле 1957 года [там же, л. 150] появилась идея «реинкарнации» существовавшей при И. В. Сталине (1934—1941 гг.) Комиссии советского контроля при СНК (Совете народных комиссаров) СССР. Она появилась уже через месяц на основании постановления Совета Министров СССР от 15 августа 1957 г. [там же, д. 22, л. 13—13 об.]. Это мотивировалось следующим образом: «ЦК КПСС считает, что в новых условиях деятельность органов советского контроля должна производиться силами небольшого числа квалифицированных штатных работников как в центре, так и на местах с привлечением рабочих, колхозников, служащих. В связи с этим отпадает необходимость в большом

централизованном аппарате госконтроля, каким является Министерство государственного контроля СССР» [там же, л. 3].

Тем самым, судя по всему, Н. С. Хрущев уже тогда утрачивал ясное представление о векторах и целях трансформаций, санкционируя создание очередных гибридов — «ленинских» ведомств в «сталинском» институциональном облики. Комиссия советского контроля Совета Министров СССР не просуществовала и «традиционного» для советской истории хронологического отрезка-периода — пятилетки. 13 июля 1961 г. вышло Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О преобразовании Комиссии советского контроля Совета Министров СССР в союзно-республиканский орган и мерах усиления контроля за исполнением решений партии и правительства», которое однозначно признавало все предыдущие управленческие «эксперименты» неудовлетворительными: «Сложившаяся практика деятельности и взаимоотношений союзной и республиканской комиссий советского контроля свидетельствует о наличии разобщенности в проведении контрольной работы, ненужного дублирования и параллелизма, что не позволяет объединить усилия всех органов советского контроля сверху донизу на организации целеустремленной и согласованной проверки исполнения» [там же, л. 85]. В результате появилось еще одно ведомство — Комиссия государственного контроля СМ СССР, что было утверждено Указом Президиума Верховного Совета (ВС) СССР от 22 июля 1961 г. И вновь ей делегировались почетные полномочия и миссия по «борьбе с очковтирательством, проявлениями местничества и ведомственности, бюрократизмом и волокитой» [там же, л. 104].

Но и эти «благородные» инициативы оказались девальвированными внутренней институциональной автаркичностью, системным холизмом. В докладной записке, составленной заведующим Отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам Е. И. Громовым в январе 1957 г., отмечалось, что сокращение административно-управленческого аппарата затронуло либо только низовое звено периферийных органов, либо привело к встречному, параллельному увеличению кадрового состава. «Расширение прав союзных республик в руководстве хозяйственным и культурным строительством, естественно, повлекло за собой создание на местах новых министерств. За последние три года число министерств в республиках (без РСФСР) выросло с 262 до 344, в том числе республиканских — на 28 и союзно-республиканских — на 54 министерства» [23, с. 113]. Образование новых министерств сопровождалось увеличением административного персонала. Помимо вполне резонных опасений, связанных с возможными затруднениями по трудоустройству вынужденно попавших под сокращение работников, региональная партийная и советская номенклатура, руководствуясь привычными принципами ведомственной реактивности, демонстрации «политической благонадежности», что коррелирует и с современными управленческими механизмами и реалиями, также выступала источником деструктивных инициатив по умножению многочисленных форм отчетности. «В Министерстве сельского хозяйства Литовской ССР установлена ежелекционная сводка на 80 страницах, включающая более 7500 тыс. различных показателей. <...> Министерство совхозов Литовской ССР ежегодно требует от совхозов *предоставления не предусмотренной государственной отчетностью сведений, включающих более тысячи показателей*» [там же, с. 116].

Таким образом, «расширение прав местных партийных комитетов в решении некоторых организационных вопросов», которое было санкционировано еще в августе 1955 г. [там же, с. 123—126], вместо целевых ожиданий

по упрощению взаимодействия в системе «центр-регион» привело «к управленческой неразберихе, так как не было конкретного распределения сфер деятельности между городским отделом культуры, министерством культуры и отделом культуры ЦК КПСС» [3, с. 49]. Для советской действительности все более становилось очевидным, что «система давала все большие сбои, накапливала “ошибки”» [6, с. 179], что способствовало ее постепенному саморазрушению.

Все это только усугубилось после окончательного разделения партийных, советских органов власти и хозяйственной инфраструктуры на промышленный и сельский «секторы» по производственно-отраслевому принципу на основании решений пленума ЦК КПСС, состоявшегося в ноябре 1962 г. В последующие годы (1962—1963 гг.) с мест стали поступать тревожные сигналы о серьезных трудностях в управлении различными объектами, обусловленные проведенной реорганизацией административных схем. В 1963 г. Отдел по вопросам работы советов Президиума ВС РСФСР направил председателю Президиума ВС РСФСР И. Н. Игнатову обстоятельную докладную записку, в которой откровенно утверждалось, что «различная подчиненность торговых предприятий и множественность торговых систем не только затрудняет правильную организацию торговли в городах и рабочих поселках, но и влечет большие непроизводительные расходы, создает путаницу в завозе товаров и ведет к затовариванию» [23, с. 508]. «Северо-Кавказский совет народного хозяйства вынужден иметь дело с двенадцатью обкомами и крайкомами партии, что, безусловно, затрудняет, а не облегчает работу». И далее: «Жить в городах и руководить сельским хозяйством — это не то, о чем говорил Н. С. Хрущев», — заключал секретарь Ставропольского промышленного крайкома ЦК КПСС Н. В. Босенко [там же, с. 514]. В итоге сложилась такая ситуация, что, как верно отметил У. Таубман, «теперь Хрущев мог смело винить во всех своих неудачах партийные кадры» [27, с. 634—635].

Сатира на аппаратно-бюрократический абсурд была отражена в кинематографе, в частности, в таких колоритных кинопроизведениях, как: «Шофер поневоле» (СССР, 1958, реж. Н. Кошеверова), «Карнавальная ночь» (СССР, 1956, реж. Э. Рязанов), «Безумный день» (СССР, 1956, реж. А. Тютышкин), «Старый знакомый» (СССР, 1969, реж. И. Ильинский, А. Кальцатый), «Жених с того света» (СССР, 1958, реж. Л. Гайдай), «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» (СССР, 1964, реж. Э. Климов), «Дайте жалобную книгу» (СССР, 1965, реж. Э. Рязанов), «Черт с портфелем» (СССР, 1966, реж. В. Герасимов) и мн. др.

Период правления Н. С. Хрущева, «оттепели», стал весьма показательным для определения дальнейших культурно-цивилизационных координат. В это время произошла своеобразная «тихая», пока еще без угрозы демонтажа, но, тем не менее, генеральная репетиция тех центробежных и сепаратистских тенденций, которые в полной мере проявили себя в годы перестройки 1985—1991 гг., приведшей к известным результатам — распаду СССР.

Институциональная эклектика, аморфность административно-политических схем, усилившаяся в середине 1950 — начале 1960-х гг., стала серьезным испытанием для всей страны, как для региональной номенклатуры, так и высшей партийно-государственной элиты, осуществившей в 1964 году

сдерживание «фатальных реформ» путем смещения лидера страны. При Н. С. Хрущеве концепция «реставрации» элементов ленинизма, которая, как верно отмечает А. В. Ведерников, «вита в воздухе» и не была оригинальной находкой первого секретаря ЦК КПСС [4, с. 161], тем не менее, нашла широкое воплощение в многочисленных трансформациях государственного аппарата и органов политического контроля. По утопическим, декларативно-популистским представлениям первого секретаря ЦК КПСС, должно было свершиться их возвращение в свое «изначальное» состояние, основанное на принципах внутривнутрипартийной демократии, централизма и общественной сопричастности. Институциональным олицетворением этих намерений и ожиданий можно считать возрождение системы «легкой кавалерии» ВЛКСМ в виде «комсомольского прожектора», создание других ведомств с теми же самыми наименованиями, как и в 1920-е гг. В то же время своеобразной «заслугой» Н. С. Хрущева, опиравшегося на инициативу отечественных кинематографистов, стало создание в 1963 г. Государственного комитета СМ по кинематографии (Госкино), также имевшего своего ведомственного прототипа.

При этом встречный бюрократизм во время тщательного его искоренения, сосуществование «ленинских» и «сталинских» элементов партийно-государственного контроля, декларированное расширение «самостоятельности» номенклатуры, дискредитированное карательно-цензурными атаками, выявили серьезный, внутренний, *анатомический кризис* системы, воспроизводство которой приобретало инертно-экстенсивный характер. Это уменьшало отмеренное ей историческое время, утекавшее в ходе планомерной эрозии конвенциональных схем и инволюции административно-институциональных оснований.

Список литературы

1. Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953—1964 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 622 с.
2. Белов С. И. Политика памяти в России и за рубежом. Теория и практика. СПб.: Межрегиональная общественная организация социально-гуманитарных научных исследований «Историческое сознание», 2020. 522 с.
3. Буреева Е. В. Трансформация системы управления культурой ТАССР в 1950—1960-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (86). Ч. 2. С. 47—49.
4. Ведерников А. В. Реорганизация партийных органов РСФСР по производственно-отраслевому принципу в 1962—1964 гг. // Вестник Московского государственного университета. Серия 21, Управление (государство и общество). 2014. № 3. С. 158—170.
5. Ведерников А. В. Формирование региональных управленческих структур СССР в 1953—1964 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2014. № 4. С. 95—102.
6. Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М.: РОССПЭН, 1995. 399 с.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А. 420. — Комитет народного контроля (КНК) РСФСР. Оп. 1.
8. Гусев К. В. Краткий очерк истории органов партийно-государственного контроля в СССР. М.: Мысль, 1965. 104 с.
9. Добросоцкий Н. И., Слезин А. А. Деятельность «Комсомольского прожектора» как фактор развития советской промышленности в 1960-е годы // Научный диалог. 2019. № 11. С. 271—285.

10. *Зубкова Е. Ю.* Общество и реформы. 1945—1964. М.: Россия молодая, 1993. 198 с.
11. *Калинина О. Н.* Партийно-государственный контроль в номенклатурной системе (вторая половина 1940-х — начало 1960-х годов) // Исторический ежегодник. 2011: сб. научных трудов / Институт истории СО РАН. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 60—70.
12. *Калинина О. Н.* Партийные и советские руководители Западной Сибири (1946—1964 гг.): опыт исторического анализа. Новосибирск: Параллель, 2013. 435 с.
13. *Кирюхин Д. В.* Репрезентация власти первых Тюдоров в рамках новой политической истории // Вестник Мининского университета. 2016. № 1—2 (14). С. 11.
14. *Козлов В. А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев: 1953 — начало 1980-х гг. М.: РОССПЭН, 2010. 462 с.
15. *Лейбович О. Л.* Реформа и модернизация в 1953—1964 гг. Пермь: ЗУУНЦ, 1993. 181 с.
16. *Минеев А. И., Минеева Е. К.* Оценка административной реформы Н. С. Хрущева в национальном регионе России: к историографии вопроса // Вестник Екатеринбургского института. 2016. № 3. С. 43—49.
17. *Мохов В. П.* Эволюция региональной политической элиты России (1950—1990 гг.). Пермь: Пермский гос. технический ун-т, 1998. 255 с.
18. *Неизвестная Россия. XX век. Вып. 1.* М.: Историческое наследие, 1992. 360 с.
19. *Никитин А. В., Филиппов В. А., Морозова А. Д.* Реформа управления партией может осуществляться без должных изменений в правовой базе: опыт СССР в 1953—1963 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 4. С. 49—56.
20. *Пыжиков А. В.* Управленческая реформа начала 1960-х годов // Вопросы экономики. 2003. № 9. С. 62—76.
21. *Морозов Л. Ф., Портнов В. П.* Социалистический контроль в СССР. Исторический очерк. М.: Политиздат, 1984. 240 с.
22. *Пихоя Р. Г.* Москва. Кремль. Власть. 1945—2005: в 3 т. Т. 1: 1945—1964. М.: Новый хронограф, 2009. 456 с.
23. Региональная политика Н. С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953—1964. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. 774 с.
24. *Репина Л. П.* Память о событиях в измерениях пространства и времени // Известия Саратовского университета. Новая серия. История. Международные отношения. 2020. Т. 20. Вып. 1. С. 34—40.
25. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. — Политбюро ЦК КПСС. Оп. 55.
26. *Степанов А. В.* Воспоминания Л. Б. Твелькмейер как источник по истории повседневной жизни семьи среднего класса в Петербурге начала XX века // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Филология. История. Философия. 2021. Вып. 1. С. 68—76.
27. *Таубман У.* Хрущёв. М.: Молодая гвардия, 2008. 851 с.
28. *Хлевнюк О. В.* Роковая реформа Н. С. Хрущева: разделение партийного аппарата и его последствия // Российская история. 2012. № 4. С. 164—179.
29. *Чанышева Г. С., Казеева Е. П.* Народный контроль СССР. История органов социалистического контроля. М.: ГБЛ, 1977. 109 с.
30. *Юдин К. А.* От сталинской диктатуры к хрущёвской «модернизации» // Вопросы истории. 2016. № 12. С. 3—15.
31. *Юдин К. А.* Реорганизации партийно-государственного аппарата СССР и методы политического контроля над региональной номенклатурой во второй половине 1940 — начале 1950-х гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Вып. 4. История. С. 63—74.
32. *Rigby T. H.* Khrushchev and the Resuscitation of the Central Committee. Political Elites in the USSR. Central leaders and Local Cadres from Lenin to Gorbachev. Aldershot: E. Elgar, Gower Pub. Co., 1990. 301 p.